

«Угроза ядерного терроризма в России существует»

БЕЗОПАСНОСТЬ

Нападение чеченских боевиков на Буденновск заставляет задаться вопросом: так ли уж блефует Джохар Дудаев, когда обещает России и Москве «печато ужасное»? Стоит ли игнорировать его угрозу использования ядерного оружия в «священной войне»? Об этом обозреватель «МН» Владимир ОРЛОВ беседует с начальником 12-го главного управления Министерства обороны генерал-полковником Евгением МАСЛИНЫМ, человеком, который лучше всех в России знает, как охраняются ядерные боеприпасы.

— Существует ли реальная угроза ядерного терроризма в России?

— Да, существует. Кража со склада Министерства обороны невозможна, это я заявляю ответственно. Но вот что теоретически возможно и к чему мы всегда должны быть готовы — это разбой в отношении железнодорожных эшелонов, попытка завладеть перевозимыми ядерными боеприпасами. Для чего? Скажем, для того чтобы генерал Дудаев мог погугать всех «собственным ядерным оружием». Применить такой боеприпас технически невозможно, но все равно как оружие шантажа это очень «сильный аргумент». Существует угроза радиоактивного заражения. Но не только дудаевы могут стремиться к захвату ядерного боеприпаса. Повторяю, такая угроза возможна, мы ее не только не исключаем, но учитываем в повседневной отработке наших действий.

Уделять серьезное внимание проблемам противодействия ядерному терроризму нас заставляет и тот факт, что на предприятиях Минатома, на Северном флоте несколько раз возникали утечки делимых материалов. Правда, все проверки показали, что из этого материала бомбы никогда не сделаешь. Но тем не менее утечки были, и это заставляет нас тоже быть настороже. Мы провели моделирующие занятия на наших объектах, пытались ответить на тот вопрос, который и вы, наверное, собирались задать: «А что, если?..» И я вам должен сказать откровенно, что в результате этих занятий-учений для меня на первый план выдвинулся вопрос, о котором мы раньше вообще не задумывались: а что если на эти шаги пойдет люди, которые раньше работали с ядерными боеприпасами? Скажем, уволенные из наших структур, социально недовольные, озлобленные... Этот вопрос столь серьезен, что мне приходилось докладывать по нему на межведомственной комиссии Совета безопасности России. Было принято решение о повышении степени охраны объектов и перевозок, финансировании. В подведомственных мне подразделениях и частях ежедневно тысяча специально обученных военнослужащих заступает с оружием в руках в караул, имея следующую задачу: противодействовать ядерному терроризму.

— Был ли хоть один случай похищения ядерного боеприпаса?

— Нет, таких случаев не было. И, я надеюсь, не будет.

— Ядерная безопасность — это ведь не только противодействие угрозе терроризма?

— Конечно. При любых условиях нештатный взрыв ядерного боеприпаса должен быть исключен. Ядерная безопасность обеспечивается конструкцией боеприпаса, обучением персоналом, надежным хранением и физической защитой...

— Вы можете сказать, что храни-

лица ядерных боеприпасов отвечают требованиям безопасности?

— Те объекты, которые вызывают наибольшее беспокойство с точки зрения безопасности, мы просто закрываем. За последнее время мы сократили места хранения ядерных боеприпасов в 2,7 раза: четыре объекта на Украине, около Гомеля в Белоруссии, в Казахстане, в Нальчике, на Дальнем Востоке.

— Как подбираете персонал?

— В Министерстве обороны действует специальная система подбора людей, которые эксплуатируют ядерные боеприпасы. Обучение персонала начинается в специальных училищах. Затем по каждому виду ядерных боеприпасов проводится доподготовка и переподготовка.

— Американцы перевозят ядерное оружие в основном по воздуху, мы — по земле, по железным дорогам. Вы уже сказали, что именно при транспортировке возникает наибольший риск...

— Мы используем специальные транспортные средства. Автомобили имеют такую систему защиты, что даже при их опрокидывании ядерный боеприпас не может быть поврежден в той степени, чтобы создавалась какая-то аварийная ситуация. В железнодорожных вагонах поддерживаются определенные климатические условия. Действительно, когда боеприпас находится в хранилище, в контейнере, то трудно вообразить, что с ним реально может произойти аварийная ситуация. А вот при транспортировке вообразить это несложно. Поэтому мы работаем в тесном контакте с Министерством транспорта, МВД и ФСБ.

— Транспортное средство с боеприпасами находится в постоянном сопровождении специально подготовленных военнослужащих, которые обучены, как защищать боеприпасы от террористов, знают, какие меры принимать при аварийных ситуациях. Контроль всего пути эшелона, от места демонтажа боеголовок до места их разборки, — это наша первейшая забота.

— Мы внедряем новые суперконтейнеры, которые позволяют более надежно транспортировать ядерные боеприпасы. Суперконтейнеры практически не горят, их нельзя прострелить. В минувшем августе мы проводили учения с реальным столкновением железнодорожных поездов. Результаты учений обнадеживают. Мы уже используем суперконтейнеры из Великобритании, например, в сегодняшних перевозках.

— Как действует система учета и контроля ядерных боеприпасов?

— Я в любой момент могу узнать, где какой боеприпас находится. Каждые полгода проходит инвентаризация. В хранилищах никто не появляется без нужды, только для технического обслуживания. Каждый транспортируемый боеприпас тоже нахо-

дится все время под контролем. Вместе с тем эту систему нужно совершенствовать. Прежде всего полностью автоматизировать. У американцев есть такая автоматизированная система. У нас тоже есть разработки. Мы обменивались демонстрацией на компьютерах. У нас математическое обеспечение выше, на мой взгляд. Нам не хватает только компьютеров.

— Какая у вас сегодня основная «головная боль»?

— Жилье для офицеров, работающих по эксплуатации ядерного оружия. Знаю, что вопрос нельзя быстро решить. Но знаю также, что не решать его тем более нельзя. При острой потребности в четыре тысячи квартир в прошлом году мы получили только около пятисот. И зарплата. Люди, ответственные за эксплуатацию ядерных боеприпасов, получают зарплату на месяц, а то и на два позже положенного. Серьезная проблема — наши большие долги за электроэнергию, за обеспечение газом.

— А я-то считал, что уж в 12-м ГУМО не будет проблем с финансированием...

— Это не так. Или возьмите такой вопрос. Технические средства охраны на ядерных объектах уже исчерпали срок износа, приходят в негодность. Сооружения давно без капитального ремонта, что совершенно ненормально.

— То есть средства на ядерную безопасность не выделяются?

— Явно недостаточно. Хотя средств запрошен самый минимум: столько, что больше от этой суммы уже «отрезать» нельзя.

— Можно ли гарантировать безопасность ядерных боеприпасов, если отказаться от ядерных испытаний и, следовательно, от усовершенствования систем безопасности боеприпасов?

— Вопрос правомерный. Несмотря на то что сейчас создаются комплексы моделирующих установок, которые когда-то позволят (а в некоторых случаях уже сейчас позволяют) заменить то, что раньше можно было иметь только при ядерных испытаниях, основная проблема остается. Это проблема самого ядерного боеприпаса, его потенциальной опасности из-за наличия в нем радиоактивных веществ, которые при нештатной ситуации могут быть разбросаны в окружающую среду. Такой токсичный продукт, как плутоний, представляет особую опасность при попадании в грунт. Наличие взрывчатого вещества бризантного типа, которое находится в каждом боеприпасе, — это тоже потенциальная опасность: взрывчатое вещество может дегенерировать, если оно будет повреждено от прострела, от попадания какого-то осколка, от пожара.

— Конструкторы не только у нас, но и в других ядерных странах работают над повышением безопасности ядерных боеприпасов при нормальной эксплуатации, не при боевом применении. Здесь главная цель — создание взрывчатого вещества, менее чувствительного к различным аварийным воздействиям. Но для того чтобы быть убежденными в эффективности нового взрывчатого вещества, надо провести испытания. Их нет. Мораторий.

— Но ведь известно, что такие работы можно проводить и без ядерных испытаний, в частности путем проведения гидроядерных испытаний: имитировать взрыв, но без энерговыделения.

— Лишь отчасти.

— Что сейчас с новоземельским полигоном?

— Мы исходим из продолжения моратория. Полигон законсервирован. Если на полигоне в Неваде сейчас режим шестимесячной готовности, то какая степень готовности на Новой Земле, я просто не знаю. Но знаю, что профессионалы теряют квалификацию. Для целей создания боеприпасов, малочувствительных к аварийным ситуациям, ядерные испытания на Новой Земле следовало бы возобновить. На некоторое ограниченное время, не отказываясь от идеи заключения Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Что стоит за торгом вокруг СНВ-2

МНЕНИЕ

«Меняем ратификацию Договора СНВ-2 на обещание о перасширении НАТО» — так или примерно так формулируют сейчас свой подход к ключевому российско-американскому соглашению и в парламенте, и в Кремле. Договор, заключенный в январе 1993 года, до сих пор находится в «подвешенном» состоянии, хотя и передан президентом на ратификацию в Думу.

В Кремле предпочитают не обсуждать варианты и сроки ратификации. Зато многозначительно напоминают слова члена Президентского совета Сергея Караганова, произнесенные еще в разгар подготовки СНВ-2: «По политическим причинам Россия не должна быть заинтересована в ускорении процесса сокращения стратегических вооружений. Вряд ли мы заинтересованы и в быстром развертывании нового тура переговоров по сокращению стратегических вооружений, так как будем участвовать в торге, не имея практически никаких козырей».

Законодатели более откровенны. Идею «торга» озвучил спикер Совета Федерации Владимир Шумейко. Председатель комитета по международным делам Госдумы Владимир Лукин добавил: российскому народу будет трудно объяснить, почему мы продолжаем разоружаться, в то время как самая большая военная машина в мире приближается к нашим границам.

Вопрос о взаимосвязи СНВ-2 и политики НАТО встает в нашем парламенте не впервые. Проблема поднималась еще в 1993 году, когда ВС России начал обсуждать только что подписанный договор. В официальном ответе, направленном по этому поводу в парламент министерствам обороны и иностранных дел, говорилось, что «Североатлантический союз подтвердил, что в основе его политики лежит принцип применения силы лишь в случае применения силы против кого-либо из его участников».

Но даже если представить себе, что с решением о принятии в состав НАТО государств Центральной и Восточной Европы положение резко изменилось, вряд ли можно усмотреть здесь какую бы то ни было взаимосвязь с возможностью «давить» на США по вопросу об СНВ-2. В самом деле, СНВ-2, предполагающий радикальное — до 3500 боеголовок — сокращение российских и американских стратегических вооружений с уничтожением многозарядных баллистических ракет наземного базирования, не был результатом того, что Кремль проникся вдруг духом стратегического партнерства с Соединенными Штатами. Позиция России определялась куда более прозаическими обстоятельствами.

Прежде всего, как подчеркивали сами руководители Министерства обороны, из девяти типов ракетных комплексов, которые находились на вооружении РВСН к моменту подписания договора, лишь у двух сохранялись сроки гарантийной эксплуатации к 2003 году. Следовательно, Россия стояла перед выбором: либо уничтожить устаревающие ракеты, в том числе и наиболее эффективные «тяжелые» СС-18, либо попытаться продлить срок их службы, постоянно заменяя выходящие из строя компоненты. Однако здесь имеются свои пределы. Например, разлагается твердое топливо, в нем образуются трещины, что может привести к необратимым последствиям. Жидкое топливо, в свою очередь, разъедает оболочки баков и так далее. При этом три типа российских многозарядных межконтинентальных ракет, в том числе СС-18 и самые современные СС-24 с десятью боеголовками, производились на Украине. Поддерживать их в боеспособном состоянии можно лишь с помощью

украинских предприятий на основе долгосрочной кооперации. Однако российско-украинские отношения далеко не безоблачны, и было признано неразумным ставить развитие российского стратегического потенциала в зависимости от украинских дел.

Далее, распад СССР и острейший экономический кризис сделали перепроизводство в России более чем одного типа наземной МБР с моноблочной головной частью. Однако и в этом случае, как заявил заместитель начальника Управления ракетных войск генерал Светицкий: «с трудом удалось объединить до 700 КБ, НИИ и заводов... Сейчас же сейчас кооперации по модернизации еще и ракет с РГЧ будет перепроизводство». Наконец, количество российских подводных ракетососцев в следующем десятилетии неизбежно сократится более чем вдвое — до 24, а возможно, и до 18 единиц. Подводные лодки, естественно, выходят из строя, а производство новых было прекращено в конце 80-х годов и пока не возобновилось.

В итоге у России оставался лишь один разумный способ действий: попытаться с помощью договора заставить США сократить свои стратегические вооружения до пределов, сопоставимых с теми, которые будет иметь Россия в начале двадцатого века. В противном случае российские вооружения сократятся сами собой в результате выхода из строя соответствующих систем примерно до 3000 боеголовок, тогда как США могут без серьезного изменения своих планов и без особого напряжения иметь на стратегических носителях от 7000 до 9000 боеголовок.

Подписав Договор СНВ-2, в том числе согласившись существенно уменьшить количество боезарядов на морской и воздушной компонентах стратегической триады, США пошли на принципиальную уступку России. У нас просто не было, нет, средств, чтобы поддерживать свои стратегические вооружения на уровне 7000–9000 боеголовок.

Сорвать ратификацию СНВ-2 или затян timer ее не так уж сложно. Но, решаясь на это, надо ясно представлять себе все последствия. В политическом плане это будет расценено как еще одно свидетельство того, что с нынешней Россией вряд ли стоит иметь дело и идти на заключение серьезных договоренностей. Скорее всего это будет воспринято и как признак того, что в Москве начинают стремиться к доминированию та часть элиты, которая уже давно высказывалась против ядерного разоружения. В случае, если «игра в торг» действительно будет возведена в ранг государственной политики, предстоит также ответить на ряд принципиальных вопросов. Первый — для политиков: есть ли реальная гарантия того, что таким образом удастся предотвратить включение в НАТО стран Центральной и Восточной Европы? Второй — для военных: возникла ли реальная перспектива сотрудничества с Украиной в ракетной области, позволяющая восстановить производство многозарядных ракет или, по крайней мере, поддерживать их в боеспособном состоянии достаточно длительное время? В настоящее время оснований положительно ответить на данные вопросы не просматривается.

Юрий ФЕДОРОВ,
профессор МГИМО